

Содержание

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА	4
ПРОЛОГ	5
Глава первая. КРАСНЫЙ РАССВЕТ	9
Глава вторая. БАШНЯ	22
Глава третья. ПОСЛЕДСТВИЯ	40
Глава четвертая. ПРИЗРАКИ	48
Глава пятая. СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ	63
Глава шестая. УЧЕБА	81
Глава седьмая. ПОЧТИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ	99
Глава восьмая. СУПЕРГЕРОИ ИЗ РАЙСЛИПА	109
Глава девятая. ЧЕРНЫЕ РОМБЫ	119
Глава десятая. ВОЗМОЖНЫ ПОСТРАДАВШИЕ	138
Глава одиннадцатая. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО	155
Глава двенадцатая. ЗА РУЛЕМ	172
Глава тринадцатая. ПЕРЕХОД	188
Глава четырнадцатая. СКОПИДОМЫ	198
Глава пятнадцатая. ОГОНЬ И ВОДА	210
Глава шестнадцатая. СУД	231
Глава семнадцатая. КРОЙДОН	243
БЛАГОДАРНОСТИ	251
ОБ АВТОРЕ	254

*Моей дорогой маме и всем любимым людям,
которых я потерял: это Эдрик Макфой
и Айзета Макфой, Найджел Маккэрролл,
Кэрол Маккэрролл, Райан О'Донелл,
Эдмунд Коул, Джозефин Коул, Оло Макфой,
Фред Макфой, Розалин Макфой, Дональд
Маккормик, Джастина Соьер, Ханна
Шримптон, Адам Бленнергассет, Уэйн
Ричардз, Киран Нагар и Джоанна. А также
всем, кто стал жертвами трагедий в городе,
где я служил пожарным. Вы больше не
терзаетесь от боли и страданий и будете
всегда жить в моей памяти. С вами навечно
моя любовь.*

Ушедшие, но не забытые, покойтесь с миром!

Примечание автора

События, описанные в книге, восстановлены по моим собственным воспоминаниям. Все личные детали изменены. Мои взгляды могут отличаться от официальной позиции лондонской Пожарной службы, которая не несет никакой ответственности за мои высказывания или выводы.

Пролог

Я тринадцать лет прослужил в Лондоне пожарным и немало повидал за это время. Многие годы я радовался динамизму своей работы, полной адреналина, мечтал о следующем опасном вызове, о сирене, возвещающей, что мы едем на пожар, на крупное дорожно-транспортное происшествие или куда-то еще, где жизнь людей оказалась в опасности. Спешить на помощь, применять все свои знания и опыт, чтобы кого-то спасти, казалось, в этом и было мое призвание. Работа приносила мне подлинное удовлетворение, и я искренне гордился тем, что ношу форму пожарного. Но потом все изменилось.

После Гренфелла у меня начались кошмары. Сначала они возникали только во сне. Потом стали преследовать меня и днем, просачиваясь из подсознания; они переносили меня на место катастроф, в Гренфелл или Кройдон — повсюду, где мне пришлось побывать. Время как будто останавливалось, реальность отступала, и я проваливался в черную дыру у себя в мозгу.

В таком полусознательном состоянии я видел их всех — людей, которых мы не смогли спасти. Лица погибших являлись мне. Иногда они были далекими и размытыми, иногда — ясными и четкими. Мои сны превратились в фильм ужасов. Жертвы манили меня к себе сквозь огонь и дым. Я бросался вперед, тянул к ним руки, но никогда не успевал. Их поглощало пламя, бушевавшее у меня в голове.

Это началось не сразу. Психологическая устойчивость — необходимое качество для нашей работы. Хороший пожарный должен уметь эмоционально дистанцироваться: это не отменяет доброты и сострадания, но, возвращаясь домой, все переживания рабочего дня надо оставлять за порогом. Иначе груз становится слишком тяжелым, а чувства — невыносимыми. Я всегда умел отделять профессиональную жизнь от личной. Но потом все изменилось.

Я немало повидал, работая в лондонской Пожарной службе, и трагедии не были мне в новинку, но все равно оказался не готов к тому, что ждало нас в Гренфелл-Тауэр. Тот пожар стал поворотной точкой. В своей книге я попытался дать читателю представление о нашей работе, о том, чем нам приходится жертвовать и почему мы на это идем. Вместе со мной вы побываете в Гренфелле и на местах других катастроф, определивших мой профессиональный путь. Я старался описать его для вас без прикрас, но прежде чем вы познакомитесь с моим прошлым, мне хотелось бы сказать пару слов о моем настоящем.

Пожарные славятся своим бесстрашием. Мы сломя голову бросаемся туда, куда другие боятся приближаться. Мы тушим огонь. Мы спасаем жизни. Многие из нас стано-

Пролог

вятся героями. Многих эта работа привлекает именно тем, что она опасная. Мы ценим в ней то, что она по-настоящему значима. Мы гордимся тем, что делаем. Но все равно мы просто люди. А значит, тоже уязвимы.

Пожар в Гренфелле серьезно сказался не только на мне, но и на многих моих коллегах, которые в тот ужасный день выполняли гораздо более ответственные задания и спасали людей из огня. То, что началось с грусти, неизбежно последовавшей за катастрофой, со временем переросло в уныние и отчаяние, а потом — в чувство вины. Я пытался понять, почему та трагедия так на меня повлияла, думал, что не имею права реагировать подобным образом — в конце концов, там было столько жертв, чьи жизни пожар исковеркал куда сильнее, чем мою.

Но зерно сомнения было посеяно и постепенно стало разрушать панцирь, которым я себя оградил. Не только Гренфелл — все подавленные переживания вырвались наружу. Я ушел в себя, перестал радоваться жизни и даже задумывался о самоубийстве.

После прозрения, случившегося со мной на платформе метро, я обратился за помощью к друзьям и стал посещать штатного психолога Пожарной службы, так что постепенно начал приходить в себя. Мне поставили диагноз посттравматическое стрессовое расстройство и рекомендовали отпуск. Позитивный настрой, который я считал навсегда утраченным, понемногу возвращался. Жизнь заново обрела смысл.

Восстановиться после таких событий нелегко: они навсегда изменили мои взгляды на жизнь и на профессию,

отношение к коллегам и друзьям. Написание книги тоже было своего рода терапией. Я надеюсь, что вам будет интересно прочесть мою историю, но еще сильнее хочу, чтобы она помогла тем, кто нуждается в поддержке. Все мы люди, и все мы уязвимы.

Глава первая

КРАСНЫЙ РАССВЕТ

Я проснулся около пяти утра и сразу схватился за телефон — плохая привычка проверять сообщения по ночам. Ничего важного там не оказалось, так что я перешел в интернет-браузер и открыл новостной сайт. Он весь пестрел сообщениями о пожаре на северо-западе Лондона, в жилом комплексе под названием Гренфелл-Тауэр. Новости сопровождались шокирующими фотографиями: гигантское здание, охваченное пламенем, словно факел полыхало на фоне ночного неба.

В полусне мне и в голову не пришло, что спустя некоторое время я сам окажусь там. Гренфелл-Тауэр не относился к нашему участку — я служил на юге города, в Бэттерси, — и хотя пожарные команды часто выезжают на подмогу в другие районы, я не думал, что мы тоже понадобится.

Моя смена начиналась только через четыре часа, и я ожидал, что к этому времени пожар уже будет потушен. «Красная» смена нашего отделения в Бэттерси, дежурившая ночью, наверняка выехала туда, но я не предполагал,

что и моя ПСК (пожарная спасательная команда) понадобится тоже. Я выкинул из головы тревожные мысли и снова заснул.

Проснувшись во второй раз, как обычно в половине седьмого, я ощутил укол беспокойства, выпрыгнул из постели и поднялся наверх, к соседу, который смотрел по телевизору выпуск новостей. Он был практически полностью посвящен пожару в Гренфелл-Тауэр.

— Ты только взгляни! — сказал сосед с глазами, широко распахнутыми от ужаса. Я взглянул, и мои глаза распахнулись тоже — от потрясения. Не надо было прислушиваться к тому, что говорил диктор, или читать бегущую строку внизу экрана, чтобы понять, что без жертв не обойдется. Мое предчувствие говорило, что оттуда вообще никто не выберется живым. Все выглядело так, словно страшный сон стал явью.

Но и тогда я не думал, что сам там окажусь. Как обычно, совершил 5-километровую пробежку, сытно позавтракал овсянкой с арахисовой пастой и бананом и в 8:30 отправился на работу.

Улица выглядела непривычно. Вокруг царил тишина; обычный лондонский шум и толчея часа пик сменились глухим молчанием, как будто город заранее погрузился в траур.

Такая же тишина встретила меня на работе. Все наши четыре машины были в Гренфелле, и все пожарные тоже.

И все равно я считал, что мою смену в Гренфелл не отправят. Скорее, та, что уже находилась там, могла задержаться на некоторое время. Борьба с пожаром и так за-

Красный рассвет

тянулась. Он бушевал несколько часов, и, насколько я мог судить, спасательных операций там больше не проводилось — пожарные только тушили огонь.

Стоило мне переодеться в форму, как раздался телефонный звонок: вызывала Центральная диспетчерская, отвечавшая за распределение пожарных команд и передачу информации о происшествиях, в том числе адресов и точных данных о пожаре. Мне велели собрать СПК к 9:30 утра, посадить всех в служебный автобус в Бэттерси, захватить на станцию в Челси, забрать там еще одну СПК и направляться в Гренфелл. Дежурная сообщила также, что нам понадобятся усиленные дыхательные аппараты.

Это означало, что нам придется заходить внутрь башни. Пожарные используют две разновидности дыхательных аппаратов со сжатым воздухом, или ДАСВ: стандартные и усиленные. У усиленного аппарата два цилиндра со сжатым воздухом, в то время как у стандартного — всего один. Усиленный аппарат, соответственно, позволяет дольше находиться внутри пожара.

Пожарные из ночной смены обычно заканчивают работу в 9:30, но в тот день об этом не шло и речи. Оперативная обстановка всегда ставится на первое место, хотя, конечно, диспетчеры прилагают максимум усилий, чтобы команда, чье рабочее время истекло, получила замену и могла отправиться домой. В любом случае мы работаем столько, сколько потребуется. Спасение людей для нас на первом месте.

Я поступил в пожарную спасательную службу несколько лет назад. Мы — своего рода «отряд особого назначе-

ния». У ПСК, пожарных спасательных команд, нет шлангов и раздвижных лестниц, как у обычных пожарных, зато они укомплектованы оборудованием для спасения людей: мы «вырезаем» пострадавших из машин, изуродованных в авариях, извлекаем жертв из поездов, сошедших с рельсов (Городская спасательная служба), спасаем утопающих и даже выявляем редкие химические агенты при промышленных катастрофах. Наша задача — спасти людей, которым грозит опасность. И все равно я не мог взять в толк, для чего нас отправляют в Гренфелл.

В ПСК обычно входит четыре или пять человек. Командой мы называем свой экипаж, в который входит также машина со специальным оборудованием, она же «малышка». Вместе с четырьмя коллегами я погрузился в автобус и покатил в Челси, где к нам присоединилось еще пятеро — в общей сложности десять человек. В таком составе мы направились напрямиком в Гренфелл. Движение было довольно плотным, но сирены и мигалки помогли нам добраться относительно быстро. Мы оказались на месте около 10 утра.

Автобус мы поставили возле «Точки сбора», куда подъезжали все вызванные команды. Я заметил нескольких знакомых из северо-западного Лондона, где служил раньше — со станций в Уэмбли, Райслипе и других районах.

Через пару минут за нами пришел офицер: он сообщил, что происходит на месте пожара, подтвердил, что потребуются усиленные дыхательные аппараты и что мы направляемся к башне. Я не особо нервничал или волновался, памятуя о том, сколько времени прошло с начала

Красный рассвет

пожара — не меньше восьми часов. Даже если нам придется заходить в башню, мы будем в полной экипировке и с дыхательными аппаратами. Вряд ли нам предстоит делать что-то по-настоящему опасное.

Мы надели защитные костюмы и отправились к горящему дому. Улицы, прилегающие к Гренфеллу, были заставлены пожарными машинами — другим автомобилям подъезд к зданию запретили. Повсюду толпились люди. Плотный дым с резким запахом заволакивал небо: его наверняка было видно даже с расстояния нескольких километров. Уже из теленовостей я понял, что никогда раньше не видел пожаров подобного масштаба; теперь, на подходе к зданию, я осознал, что это будет, пожалуй, самый серьезный пожар за всю мою профессиональную деятельность.

Гренфелл-Тауэр, 24-этажный жилой комплекс, высокий и внушительный, превратился в выгоревшую развалину — обугленный скелет здания, стоявшего здесь накануне. Нет таких слов, которыми можно было бы описать огонь, способный на подобные разрушения. Неумный, бешеный, кошмарный, адский, апокалиптический — даже все вместе эти эпитеты не передают мощь пламени, сотворившего то, что нам предстояло увидеть тем утром.

Одна мысль о том, чтобы войти внутрь, пугала до смерти. Инстинкт самосохранения кричал, что этого делать нельзя — надо держаться от башни подальше. Однако я стойко сопротивлялся, по-прежнему считая, что в здание нас вряд ли пошлют. Пожар начался в час ночи, а сейчас почти полдень. Прошло около двенадцати часов.

Даже шагая к башне в полной экипировке, я продолжал сомневаться, что мы окажемся внутри. Думал, что Оперативный штаб эвакуирует здание из-за угрозы обрушения. На пожарах нередко случается, что команду держат в боевой готовности, но ее участие в результате не требуется. Это решает Штаб. Мы же готовы делать все возможное, чтобы спасти людей.

На безопасном расстоянии от входа в здание, на газоне, мы увидели десятки пожарных: кто-то стоял, но в основном все сидели или лежали. Повсюду валялись пустые баллоны из-под сжатого воздуха и элементы защитной экипировки, явно брошенные там, где их поспешно срывали с себя.

Люди выглядели подавленными, убитыми. Черные от дыма, они сидели, склонив головы и не глядя друг другу в глаза. Все были обессилены физически и морально. И это пожарные — сильные, отважные мужчины и женщины!словно солдаты, вернувшиеся с войны, они, казалось, превратились в бесплотные тени самих себя. Сцена, достойная голливудского фильма — именно так там изображают последствия катастроф. Глядя на них, я начал задаваться вопросом о том, что нас ждет впереди. Каким я сам стану к концу этого дня?

Моя «синяя» смена принимала дыхательные аппараты от «красной» смены со станции Бэттерси — наша работа организована так, чтобы оборудование передавалось между сотрудниками одной станции. Я перебросился парой слов с приятелями из «красной» смены. Было очевидно, что им пришлось пережить нечто очень тяжкое.

Красный рассвет

Я спросил одного из них, все ли в порядке, и он тут же затряс головой.

— Никогда не видел ничего подобного. Никогда!

Я хотел поговорить с ним подольше, но времени не оставалось. Надо было быстро подготовиться к заходу в здание.

«Красная» смена помогла нам надеть дыхательные аппараты и провести стандартную проверку костюмов и оборудования. Проверка всегда начинается со смены цилиндров со сжатым воздухом. Дыхательные аппараты обязательно тестируются перед использованием. Это гарантирует их безотказную работу, которая, в свою очередь, гарантирует нашу безопасность.

Пока мы проверяли аппараты, вокруг собирались другие пожарные, так как на место начинали прибывать «си-ние» с других станций.

Я столкнулся со своим бывшим начальником, который теперь отвечал за распределение команд, и спросил, какова текущая ситуация. Он ответил, что внутри здания порвался шланг, и пожарные его меняют. Шланги иногда прорываются или повреждаются во время использования. Порой это происходит от пореза об острый предмет или от трения с деталями конструкции.

Хаос немного улегся, когда в следующие несколько минут шланг удалось заменить, и пожарные смогли продолжать работу.

Я со своей командой завершал проверку оборудования; в нескольких шагах от нас то же самое делала команда из Челси. Команда Хестона получила распоря-

жение войти в здание. Им сказали, что сначала направят в зону ожидания — в пределах видимости от входа, но на безопасном расстоянии. Оттуда им предстоит проникнуть внутрь.

Однако у Хестона было только пять пожарных, а требовалось шесть. С одним из хестонцев мы когда-то вместе служили в Уэмбли, поэтому он обратился ко мне:

— Эд, нам нужен еще один человек. Ты как, сможешь пойти?

Ни один пожарный никогда не откажет в помощи другой команде. На больших пожарах, как в Гренфелле, мы идем туда, где нужны в данную минуту, — и я пошел с ними, оставив команду Бэттерси снаружи.

Мы оказались в зоне ожидания за пределами здания, где останавливались команды на пути внутрь или наружу. Команда из «красной» смены уже довольно долго сидела там, дожидаясь дальнейших распоряжений. В зоне ожидания мы провели около часа, и все это время я рассматривал Гренфелл и не верил своим глазам. Я понимал, что внутри, в огне, лежат тела беззащитных жертв. Пожар все еще бушевал, сверху продолжали падать горящие обломки.

Зрелище было страшное: у нас над головами нависала горящая башня, увенчанная черным выгоревшим каркасом. Расположение Гренфелла делало эту картину еще более впечатляющей: одинокий, он вздымался высоко над прилегающими малоэтажными постройками, отчетливо выделяясь на фоне неба.

Я знал, что вскоре нам придется войти внутрь, и был серьезно встревожен. Впервые с того момента, когда я вдруг